

Сергей Иваров

ЗА ВЕСНОЮ- ЛЕТО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1984

Сергей Иванов

ЗА ВЕСНОЮ- ЛЕТО

Фильм

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА · 1984

ЖУРАВЛИ

Видно кругом далеко, а слышно и того дальше — воздух сентябрьский чист и наполнен предвечерним солнцем.

«Курлы-курлы...» Из-за синих лесов с севера летят журавли. «Курлы-курлы...» Человеку невозможно не остановиться и, подняв голову, не послушать их пронзительные, грустные и какие-то требовательные крики.

Вот и Наталья Банникова тоже: остановилась, смотрит в небо. Но ещё не видит их. Только слышит журавлиные позывные...

«Курлы-курлы...» А летящим птицам, наверное, уже хорошо видна и эта дорога, и девочка в красной куртке. И яблоневые сады, которые раскинулись на холмах, словно лес.

А ещё видят журавли речку, что вьётся узкой лентой. И обширные ярко-зелёные луга. По ним белыми медленными облаками движутся стада совхозных коров.

А вот на холме тёмно-красные крыши. Это крыши коровников.

А ещё чуть поодаль видят журавли и сам посёлок совхоза «Рассвет».

Центральная усадьба совхоза «Рассвет» расположена в деревне Петухи — в той самой, где живёт Наталья. И одно время вдруг решили было — дать деревне новое имя: что, мол, такие за Петухи в наш космический век!

А потом подумали-подумали... И жалко стало. Название-то красивое. И как-то созвучно даже получается: Петухи — Рассвет.

И стоит деревня красиво — на взгорье. Её, конечно, так не для красоты поставили, а потому, что иную весну речка до того разольётся, что только здесь и спасение.

Старые петуховские избы стоят — какая где вздумается: та на пригорке, та внизу, эта левым боком, эта правым, а иная так и вовсе спиной ко всему свету, а к лесу лицом.

Новые домики выстроились двумя ровными рядами по сторонам дороги, которая одним концом упирается в совхозный клуб, а другим убегает в поля.

Старые избы обязательно обнимает большими руками липа или ветла. Раньше считалось: деревья берегут дома от пожара. А вдоль новых — только цветы в палисадниках — георгины, флоксы, золотые шары.

Наталие больше нравятся новые дома. А что больше нравится пролетающим журавлям, не угадаешь. Они одинаково курлычут избам, и новым домам, и лесу, и яблоням, и зелёному лугу. А крылья, как вёсла, работают мерно и неустанно...

Вот наконец острый, чуть сбитый на сторону журавлиный клин увидела шестилетняя Наталья... Тут уж ни за что не удержишься, обязательно помашешь им на прощание. И в эту секунду они откликнутся тебе с неба: «Счастливо оставаться!»

— А вам счастливо прилететь назад!

ЯБЛОНИ

Утренний густой туман. Деревья выступают из него неожиданно — впору испугаться... Да нет! Это ведь яблони. Аккуратные, спокойные, в высоких белых сапогах.

Наталья и её отец, директор совхоза «Рассвет» Виктор Павлович Банников, лишь минуту назад выбрались из директорской «Нивы», потушили фары... И вот потонули в яблонево́м лесу: деревья-то всё могучие, действительно лесные — словно берёзы или тополя.

Отец идёт впереди, Наталья — за ним, тащит удочки. Их длинные пляшущие хвосты теряются где-то в тумане. Вот какое утро!

И вдруг:

— Это кто же здесь бродит?..

Перед ними, опершись на палку, стоял дед Серёга Сорока. Это у него фамилия такая. Был он седой, бороду имел кудлатую, брови кустистые, на правую ногу был дед Сорока хром.

Сад этот появился на свет так давно, что и не сказать — лет сорок назад. И с тех пор при нём дед Сорока. Деревья понимают его с полуслова. А Сергею Михайловичу, чтобы понять свои яблони, и совсем не надо слов. Он тут и живёт, в избушке, среди яблонево́й тишины...

Дед Сорока мотнул им головой, быстро пошёл, опираясь на палку. Даже не проверил, идут следом Наталья с отцом, не идут. Такие уж были у него командирские замашки.

Они поднялись на пологий холм. И вовремя! Дед Сорока недаром торопил их. Солнце успело как следует разогреться, разгореться. И теперь море тумана под его лучами расступалось, исчезало. То по одной, то целыми отрядами из белых волн выходили яблони... Яблони, яблони — до самого горизонта.

А дед Сорока заговорил вдруг о берёзовом листе, зажелтевшем в нынешнем году слишком рано. И про речную ракиту, которая старалась летом куститься по земле, а не кверху...

— А семнадцатого числа видал, чего делалось?!

— Какого семнадцатого? — не понял директор.

— Августа! Если в этот день вихри, то жди больших холодов. Так вот!

Натальин отец слушал старика, нахмутив брови.

— Да уж знаю, что скажешь,— усмехнулся дед Сорока.— Что, мол, современная погода старым приметам не больно-то подчиняется?..

— Наверное, так и сказал бы,— директор покачал головой.— Да я, понимаешь, прогноз получил долгосрочный. Крутую, дядя Серёж, нам зиму обещают... И чего делать с твоими яблонями, я не знаю.

— Что же делать,— тихо ответил старик,— терпеть!

ЗВЕЗДЫ

Сентябрь и почти весь октябрь в тот год были удивительно теплы. Лишь по утрам наползали туманы... По ночам изредка приходил дождь, осторожно стучался в железную крышу дома Банниковых.

А вечера были все хороши. Накинь пальто и сиди себе на крылечке сколько хочешь... Сколько мама разрешит. Наталья так и делала.

— Джулька, Джулька, Джулька!

Из-под крыльца, вздохнув и почесавшись, вылезает Джулька, учёная собака.

— Ну? Что скажете?

А ничего она не скажет. Просто сядет на крылечко рядом с Натальей, аккуратно поставит все четыре лапы, обвернёт их хвостом. И вдруг неожиданно, однако вежливо, ткнётся прохладным носом в Натальину щёку. Когда Наталья сидит и Джулька сидит, у них рост почти одинаковый.

Так сидят они и ждут папу. Джулька-то дожждётся, ей что. А вот Наталью очень просто могут загнать домой.

Но пока сидят. Звёзды над ними крупные, осенние, переспелые. Секунда — и какая-нибудь обязательно оборвётся. Полетит в яблоневые леса или ещё дальше — за речку, в луга. Утром её, наверное, найдут коровы... А какая она — звезда, лежащая среди дневного луга?

А сейчас она вот такая, эта звёздочка. Плывёт себе вдоль улицы, то ярче вспыхнет, то снова пригаснет.

Негромко стукнула калитка. Джулька первая всё поняла — учуяла. Колотит по крыльцу хвостом. Ведь это огонёк отцовской папироски плывёт в темноте.

— Ждёте? — Виктор Павлович обнимает дочь.

А Джулька сама прыгает вокруг хозяина, охотничья собака. Жаль, некогда директору охотиться нынешней осенью.

Заслышав голоса и Джулькину возню, мама выходит на крыльцо:

— Что же опять так поздно, Виктор?

— Зато саженцы достал, — отвечает отец.

О саженцах уже давно идёт разговор. Если старые яблони погибнут в лютой зиме, надо сразу пустить в рост молодые де-

ревца. Дед Сорока показывал директору, где собирается при-
капывать для зимовки саженцы,— в низинках: там снегу будет
побольше, а ветров поменьше.

Наталя слушает родителей, вспоминает большие деревья, и
не верится ей, что они могут умереть—такие великаны. Ей
вообще не верится, что на свете существует смерть...

А вот на ферме дела идут веселей. Здесь умирать вообще
никто не собирается. Утепляют главное здание, и помещение
для телят, и откормочный цех.

Вечер кончается, а звёзды всё горят. Крупные, осенние, пе-
респелые. То одна, то другая оборвётся и покатится за речку,
в луга...

МОРОЗ

В тот год снег никак не мог улечься, словно земля была ему жестка. Таял раз за разом. Наконец однажды приползла серая неровная туча. Посыпался из неё белый снежок. А ночью, вслед за этой тучей-разведчицей, пришли холода и потом не отпускали много дней. Уже на второе утро по совхозному радио отменили занятия в школе. Ну, а когда школу закрывают, детский сад и подавно закрыт.

Тем самым как раз утром Наталья выскочила из дома купить хлеба и молока, как велела ей мамина записка. Выскочила и невольно остановилась.

Она словно бы нырнула с головой... Но не в воду, а в разлитое кругом плотное море мороза. Деревья, столбы, провода — всё обросло колючей ватой инея. На небе ни пушинки, и только тусклое, бледно-жёлтое солнце светило неизвестно зачем.

Никогда не видела Наталья улицу такой пустой. Издали по дороге быстро бежало облако. Когда оно подкатилось ближе, Наталья в середине его увидела автобус. Малый автобусный дымок на небывалом этом морозе превращался в облако! Казалось, автобус кипит, словно котёл на колёсах.

Очень скоро холод пробрался Наталье под пальто и под платье. Она хотела убежать — быстрее, в магазин. И не смогла: слишком жёсткий был ледяной воздух. Наталья остановилась, закрыла варежкой рот... Струйки мороза оплетали её всё плотнее. Как далеко до магазина: целых четыре дома надо пройти! Скорее юркнула обратно в дом: без хлеба проживу! Дверь хлопнулась, словно это мороз припечатал её могучим плечом.

Дома батареи так шпарили, что невозможно было руки согреть: ледяные, они тут же начинали обжигаться. Из всех углов веяло морозом. Вот тебе и каменный дом.

Джулька, увидев вошедшую хозяйку, виновато спрыгнула с дивана.

«Босыми лапами на холодный пол», — подумала Наталья. — Да ладно тебе, сиди!

Она и сама собиралась сделать кое-что запретное: включила все четыре газовые конфорки и духовку... Но тепла словно бы совсем не прибавилось. А может, это на улице прибавилось мороза?

Никто ей не звонил, никто к ней не шёл. Хотя маме давно пора было появиться с фермы после утренней дойки.

Холодно стало Наталье тут сидеть, холодно и грустно. Она кое-как попила чаю с позавчерашним хлебом. Половину хлеба себе, половину — собаке:

— На уж, питайся, охотница...

Подошла к окну. Стёкла понизу обросли мокрым льдом, а дуло так, словно работал вентилятор.

Наталья пододвинула стул, чтобы смотреть на улицу поверх льда. Ей виден был конец деревни, околица. За околицей начинался совхозный сад. Одетые белым инеем, яблони были почти невидимы в желтоватом морозном мареве. Казалось, это и не сад вовсе, а ровное пустое поле.

Где-то на той стороне бугра притулилась избушка деда Со-роки. Наталье чудилось, она видит тонкую струю печного дыма, поднимающуюся из-за вершины холма.

И сразу представила себе: вот идёт по морозному саду, стучит валенком в знакомую дверь... А то дед сидит там один и смотрит, как яблони его замерзают под ледяным солнцем.

Наталья надела лыжные штаны, толстое кусачее платье, свитер, ещё свитер, косынку, шапку, шарф, шубу, рукавицы свои, рукавицы мамины. Последний раз вдохнула тёплого воздуха, последний раз оглянулась на Джульку:

— Что ж ты, верная подруга?

Джулька хоть и виляла хвостом очень умильно, однако с дивана — ни ногой.

И вдруг — скак. Вот хитрая — учуяла! Дверь раскрылась, словно сама собой, стрельнула облаком мокрого ледяного пара. Из облака этого вышел... Натальин отец:

— Привет! Ты почему к телефону не подходишь?

— А чего ж подходить, если он не звонит.

— Погодка! — отец покачал головой. — Хоть волков морозь...

А она телефоны морозит! Куда ты собралась, кстати?

Но слушать объяснения не стал — некогда ему было. Взял Наталью за руку, вывел на мороз. Они сели в директорскую «Ниву». Снег под колёсами скрипел как-то очень жалобно. И потом, когда они шли по двору фермы, снег снова скрипел у них под ногами жалобно и удивительно громко.

— Это мороз дал ему такой голос, — сказал Наталье отец.

ПЕЧКИ

Они вошли под своды коровника... Он ведь только издали кажется таким приземистым. Внутри замечаешь, что коровник высок. Здесь хорошо. Здесь Наталье всегда нравилось. Среди коров как-то спокойно: повернёт она к тебе голову, посмотрит задумчивыми глазами и вздохнёт неизвестно про что.

Сейчас на ферме было шумно, как не бывало никогда. Гудели вентиляторы, нагоняя горячий воздух. В печках похрустывали дрова, словно сухари... А всё ж в коровнике было ох как не жарко!

— Эй! Не студи избы, затворяй двери! — слышалось из глубины, и Наталья сразу узнала мамин голос.

Тут они увидели друг друга — мать и дочь. Мама, наверное, хотела спросить, где Наталья обретается в такую холодень и почему к телефону не подходит. Но поняв, что всё в порядке, только рукой махнула:

— Ладно. Иди сюда, будешь нам помогать.

А надо было ходить от печки к печке да подкидывать дров... От железных печей жару много, но беда, что в них прогорает слишком быстро и тепло держится, лишь пока топишь. Вот и ходит Наталья по коровнику. Уж сбросила лишние свитера.

Стужа однако не отступала. Напротив — подступала всё ближе и всё более грозно. К обеду ещё похолодало, а к вечеру и ещё.

Уморившись, Наталья спала в ворохе свежей соломы под гудящим вентилятором. Ей снилось, что она едет на автобусе, а в открытое окно врывается лето...

СОРОКА

— Ох, пальцы я ознобил! — в коровник вошёл оператор Гена и положил на солому рядом с Натальей замороженную до костей сороку.

Гена, вернее, для Натальи он был всё-таки дядя Гена, занимался на ферме наладкой разных механизмов, которые помогают доить коров и содержать их в чистоте...

Прошло сколько-то времени. Сорока оттаяла. Зашевелилась, встала на ноги. Сразу определила, где выход. Однако, подлетев к двери, живо сообразила, что там ожидает её лютая смерть. И осталась в коровнике. Жила там сытно целую неделю. И всё диву давалась, до чего же спокойны коровы и до чего же неугомонны эти люди!

А люди и правда — что было сил сражались со стужей, оберегали коров, чтоб они все остались здоровы — и мамы и телята.

На второй день Нового года морозы ушли, осталось каких-нибудь градусов двадцать. Выбежала Наталья на улицу — ой, опоздала: народ уже весь на лыжах, на санках... Остановилась, вдохнула январского воздуха: «Теплынь-то какая!»

ТЁПЛЫЙ ДЕНЁК

Весна в тот год пришла неслышно, будто и не она первая красавица на всей земле. Под тёплым, но пасмурным небом не спеша таял снег, и не получилось того разлива, который зовут половодьем. А впрочем, положенную ей работу весна выполняла исправно, только без обычного своего сверкания и веселья.

В один из таких вот чуть скучноватых деньков Наталья и подружка её Алёна Мокшина сговорились идти за веснушками... За веснушками?! Ну да. Так называют в их деревне прошлогоднюю клюкву, вышедшую из-под снега.

Алёна училась во втором классе, а день был будний. Однако они пошли за веснушками с раннего утра. Дело в том, что Алёне мама велела посидеть дома: насморк. Велела и уехала в район на семинар животноводов. А дочь её, хитроумная Алёна, полчаса посморкалась и — в лес. А мать едет в машине, беспокоится. И на семинаре лекцию будет слушать плохо... Эх, Алёна! Хоть бы кто тебя пристыдил. Но, к сожалению, этот фокус без всяких последствий сошёл ей с рук!

А как же Наталья? Наталье, ох, боязно было пропускать детский сад: что она завтра воспитательнице скажет?

— Я школу прогуливаю, — говорит Алёна строго, — а ты уж какой-то сад боишься пропустить!

И Наталья смолчала — старших надо уважать. А всё же на сердце кошки-то поскрёбывали... Зато Джулька рада была без памяти дальнему путешествию!

Идут Алёна с Натальей по весенней утренней улице, сквозь белёсое небо солнышко просвечивает, землю согревает — чтоб она скорей просыпалась. И хорошо сейчас двум прогульщицам, хотя... Да уж — стыдно, стыдно! Но если по правде, то и хорошо.

Чтобы не идти мимо школы и детского сада, они свернули с главной «каменной» улицы. Пошли по старым проулкам. Крепкие избы, казалось, провожали их укоризненными взглядами небольших насупленных окошек. Дым из труб лениво разматывался в тёплом весеннем воздухе.

Девчонки прошли последний дом. И тут — перед ними простёрлось огромное травяное пространство. Исстари это место называли Малиновскими лугами.

Далеко внизу синела речка. Да где-то совсем далеко темнел лес. Да слева на бугре стояла ферма.

Они посмотрели друг на друга, собрались с духом — и вниз! По шуршащей траве, огромными прыжками, словно летя.

ТРАКТОР

По осклизлой и потому опасной берёзе подружки перешли на ту сторону реки. Стало видно, что вода в реке темна и коричневатая — недаром вытекает из болота. А синей она казалась лишь с бугра. Это в ней небо отсвечивалось.

Правый берег был повыше немного и удивительно ровный. Зелёной, без единой морщинки, скатертью он уходил до самого леса. Вот они какие — Малиновские луга. Раньше говорили: здесь в каждом возу сена пуд мёда. Ну, а теперь, наверное, в каждом тракторном прицепе.

И вдруг оглянулись девочки — по лугу действительно полз трактор. За трактором катился прицеп. Наталья обрадовалась, а вот Алёна не очень: она узнала этот трактор. Даже хотела спрятаться, да где тут спрячешься, на лугу. А трактор остановился недалеко. Из кабины вылез оператор Гена. Он смотрел на девчонок и ждал, когда они к нему подойдут. Гена ведь был не просто оператор на ферме. Он был ещё Алёнин родной дядя. И сейчас, именно как дядя, он, прищурившись, смотрел на пле-

мянницу: время-то было самое школьное. Как раз второй или третий урок.

Дядя с племянницей молча смотрели друг на друга, словно подбирали слова поласковой — чтобы поздороваться. Но совсем не про то они подбирали слова, ох, не про то... Тут Наталья сообразила: ведь и она ничем не лучше Алёны — такая же прогульщица.

Но сдержался Гена. Если б Алёну сейчас начать ругать, она бы только испугалась, разревелась — и конец. А прогуливать школу её таким способом вряд ли отучишь.

Но вот когда дядя Гена сдержался, Алёне неизвестно почему до того стыдно сделалось, что она тут же дала себе слово не то что не прогуливать, но даже и не опаздывать никогда на уроки.

ОСЫ

Так ничего и не сказав, даже не вздохнув с выражением, Гена опять залез в кабину, переключил рычаг — кузов на прицепе стал медленно подниматься, секунда... Джулька в ужасе припала к Натальиным ногам — это из вставшего на дыбы прицепа с тяжёлым вздохом на землю обрушилась гора песку.

Наталья спросила:

— А ты зачем, Ген, сюда песок привёз?

Песок был тёмно-коричневый, зернистый. Он высыхал на весеннем солнышке и тихо осыпался.

— Я,— сказал Гена, выключив мотор,— дом строю. Вернее, целое поселение.

— Ладно тебе... Кто же здесь будет жить?

— Песчаные осы. Слыхала про таких?.. И будут моих коров охранять.

— От волков, что ли? — усмехнулась Алёна.

Гена остановил её неуместное веселье:

— Нет, представь себе, не от волков. От оводов!

А места здесь, в самом деле, для оводов подходящие — болото под горой. И они оттуда целыми армиями, тёмными облаками! Такая вот напасть! Особенно когда жарко! У пастухов даже есть поговорка: пусть холодно, да не оводно. А летом где этих холодов-то найдёшь?

Даже собрались было химией их травить. Да вовремя опомнились. Так можно и всех зайцев перетравить, и всех лосей, и всех лягушек, и всех стрекоз, и всех жуков ни в чём не повинных...

Гена отвёл Наталью и Алёну чуть в сторону. Девочки увидели ещё одну кучу песка. И она, словно подошедшее тесто, вся была изрыта тонкими дырочками. Только Наталья собралась спросить, а из дырочки как раз показался ответ — усатая сердитая физиономия. Оса! Видно, ей пока не очень ещё хотелось вылезать. Было «холодно и не оводно».

— Я их в прошлом году сюда переселил.

— Откуда?

— С карьера песчаного. В ящик аккуратно накопал песку вместе с их норами и личинками. И сюда. В то лето они у меня приживались. А уж с этого года пойдёт работа. Ну, а если кому

тесно — пожалуйста, на новую песчаную гору. Пусть их деревня разрастается. Здесь ведь у нашего совхоза самые выпасы! — Здорово! — Наталья покачала головой. — А поможет? — А как же! — азартно закричал Гена.

Он забыл, что перед ним малолетние девчонки. Он стал рисовать им такую картину, которую только что рисовал в конторе совхоза, чтоб ему дали на полдня трактор. И — дали всё же: пусть человек ставит опыт, пусть живёт по науке!

А Гена рассказывал, как со своих болотных аэродромов поднимаются серые эскадрильи оводов. Но в то же время выходят на охоту песчаные осы. Овод — страшный зверь. Да только не для осы. Оса спикирует сверху, ударит жалом... И нет овода. А по лугу бродят коровы. Спокойно пасутся и думают: «В этом году оводья что-то мало народилось. Всегда бы так!»

САД

Утро. Июньское глубокое небо до самых краёв налито синевой. И где-то у небесного дна кружит коршун, с каждым кругом всё набирая высоту, превращаясь в точку.

Так бы стоять и так бы глядеть вверх... И никогда не наглядись! А идти с запрокинутой головой ещё интересней. Как будто идёшь во сне. Наталья медленно переставляет босые ноги. Травянистый берег тихо чиликает. Вылезшая из-под кочек влага холодит и щекочет пальцы.

Джюлька, удивлённая непонятным поведением хозяйки, принялась было тихо поскуливать. Да вдруг как загавкает... Чужой! Наталья оглянулась — точно: от реки на холм, в сад к себе, поднимался дед Сорока, волосы и борода его были мокры: надо же — купался!

— Эй, хозяйка, попридержите-ка вашу собачку.

— Здравствуйте, дедушка!

— Что ты тут делаешь?

— Кислицу собирала. Для щей.

— А ко мне не заглянешь?

Наталья давно не была в совхозном саду. Только осенью. Да ещё зимой проползала тут раз на лыжах, когда их старшая группа ходила в поход по окрестностям Петухов. А весной — нет: и хотела, и страшилась. Потому что слышала разговоры взрослых и слышала из сада визг бензопилы, стук топоров.

Теперь вместе с дедом она несмело вошла на холм. И увидела сад. А вернее то, что осталось от сада, — редкие островки деревьев. А между ними — пустота.

Дед Сорока обнял девочку за плечи:

— Ничего. Пойдём, пойдём.

Наталье всегда думалось, что сад не может ни заболеть, ни

погибнуть — ну, как речка, как зелёные холмы, как небо над головой. И ещё ей было стыдно. Что бросила сад и бросила деду Сороку... Старик ничего не говорил и всё держал её за плечи.

Но по мере того, как они спускались, Наталья всё ясней видела: а ведь не пусто меж островами старых яблонь. Живыми строчками от острова к острову тянулись ряды крохотных саженят. Они зеленели, ловили солнце каждым листом!

— Вот, Наташенька. Поняла теперь? Не сдадимся мы... Что же молчишь? Не сдадимся ведь?

Он поднял с земли тяпку и принялся рыхлить землю под крохотными деревцами. Ручка на тяпке была отполирована его ладонями, словно кость.

И почти сейчас же вдали, за деревьями, послышалась тракторная трескучая скороговорка.

— Дедушка Серёж! А говорили, всё они делают, — Наталья мотнула головой в сторону невидимых машин.

Не переставая работать, дед сказал:

— Трактор трактором, а человек человеком... — он улыбнулся. — Хочешь яблочек, так надо и самому постараться.

Наталья положила пакет со щавелём в густую тень старой яблони... Эх, мама ждать будет... Ничего!

— А у вас такой маленькой тяпочки не найдётся?

Дед Сорока серьёзно посмотрел на неё:

— Что ж, можно и подобрать.

ОБЛАКА

Пятнадцатого августа Банниковы пошли в магазин и купили всё, что нужно для первого класса. Всё — от форменного платья до последнего карандаша и стерженька.

Наталья радовалась, что у неё появилось столько новых вещей. Но и страшилась надвигающихся перемен.

— Чего там будет-то? — спрашивала Наталья у Алёны, которая теперь должна была стать уже третьеклассницей.

Алёна загадочно, однако ничуть не весело пожимала плечами и щурила глаза:

— Сама увидишь!

Волнений ещё прибавляла и скорая осень. Ведь она — тревожное какое-то время года! Её близкое ненастье томит человека. И тревожат печальные крики улетающих птиц. И тревожит несмолкающий вороний грай. Неугомонные эти крикуньи, занимая чуть не полнеба, мелькали над лесом, словно вздутая ветром огромная дырявая штора.

Но август тем и хорош, что он всё-таки летний месяц. И наутро небо синее. И птицы вдруг успокоились. И даже вороны утомонились — чинно сидят на ветках, склоняя носатые головы набок.

Именно в такой вот спокойный солнечный денёк Алёна с Натальей шли в уже известные Малиновские луга. Алёна шла отнести дядьке горячий обед, а Наталья шла с ней за компанией. Да и коров хотелось посмотреть на вольной воле. Ведь, может быть, последние деньки они догуливают, бедные коровушки. А там опять лежи в четырёх стенах, на торфяной подстилке, ешь разную там сенную муку, да силос, да солому, да минеральные добавки... А корове-то хочется траву луговую щипать. И воду хочется пить из речки, в крайнем случае, из болотца, а совсем не из автопоилки.

Но тут уж ничего не поделаешь. Зимой трава не растёт. И не напьёшься из речки. Речка-то подо льдом...

Стадо, к которому шли две девчонки и которое медленно двигалось вверх по склону дальнего холма, было очень красиво. Августовский луг — ухоженный, удобренный, вовремя политый — зелен, словно на картине. А стадо густого белого цвета: не как молоко, а примерно как сливки. И оно почти не-

подвижно плывёт по зелёному лугу. Будто облако. А по синему небу плывёт облако. Будто стадо. Солнышко светит, и непонятно, что же в чём отражается—синее небо в изумрудном лугу или изумрудный луг в синем небе.

— Ну, пойдём же,—сказала Алёна Наталье. Алёна беспокоилась, что обед простынет.

— Сейчас...

Джюлька смирно сидела у ног хозяйки.

Облако, которое на небе, пушистым краем задело солнце и... луг уже не сверкал, а словно подёрнулся туманом. И стадо будто остановилось...

Но прошло мгновение, облако отодвинулось, и всё опять ожило.

Девочки увидели Гену, который махал им кепкой. Потом прилетел его голос: «..ите... Идите!»

ЗОРЬКА, ВИШЕНКА, РОМАШКА...

Гена ждал их, широко улыбаясь, широко размахнув руки. А руки у него были здоровенные, рабочие. И длиннющие, как у баскетболиста. Этими ручищами он сгрёб обеих подружек, поднял вместе с косичками их и кастрюльками. А потом сел и принялся за щи, за картошку с мясом и за хлеб-соль... Ему сильно есть хотелось!

Джюлька не сказать, что была очень уж голодна. Но она не могла со спокойной душой смотреть, когда при ней кто-то ест. И тут же начала бросать на Гену выразительные взгляды и вздыхать чуть не со слезами на глазах.

— Иди-иди! — проговорил Гена. — Я охотничьим собакам не подаю. Вот была бы ты пастушья...

А коровы, почуяв, что настух занят своими делами, решили отдохнуть. Одна за другой они тяжело подгибали передние ноги, словно перед кем-то падали на колени, подгибали задние и наконец укладывались.

Только Гену-то не проведёшь:

— Э, Наталья Викторовна! Ты доглядывай там, доглядывай. Поднимай коровок-то!

— Ладно уж. Пусть отдохнут!

— Отдыхать будем вечером! А сейчас пастись надо, работать.

Только Наталья хотела что-то сказать...

— Молчи! — строго осек её Гена. Большой своей рукою он сорвал пучок травы: — Это ж тебе клевер, а не чего-нибудь. Нет уж, пусть они его брюхами не мнут!

И Наталья не стала спорить. Оглянувшись в поисках хвостины. Секунду поразмыслив, отстегнула с платья поясok:

— Ну-ка, ну-ка, ну-ка! — грубым голосом закричала она, размахивая над головой пояском.

Таким кнутом, пожалуй, и бабочку не испугаешь. За спиной у Натальи Алёна и Гена так и покатались со смеху.

А Наталья всё подгоняла коров. И те начали вставать — неохотно, не веря, что эта давно знакомая девочка может им сделать какую-нибудь досаду, а всё-таки вставали. И сразу, не оглянувшись даже, не вздохнув, принимались за пастьбу — Зорька, Вишенка, Ромашка, Послушница, Звёздочка...

Это случится через месяц. Или через два месяца. Наталья, теперь уже первоклассница, выйдет на школьное крыльцо. Оглянется: где тут моя собака верная? Они пойдут вдвоём. Денёк, хотя и не самый солнечный в этой осени, но прозрачный. Далеко в полях «разговаривает» трактор.

Они идут по делу. Наталье задание дано: сходить к бабушке Шуре Лебедевой. К пенсионерке, а внук у неё в армию ушёл. Кто же старому человеку поможет, если не будущие октябрюта!

Большая ветла у дома Лебедевых не шелохнётся. Тишь на земле. А на небе, видно, гуляет ветер. Да и какой ещё могучий. Двигает целые облака!

Подвинул, и в открывшемся просторном и синем небе Наталья вдруг увидит журавлиный неровный клин. Ах, как высоко он летит, как высоко! И тут увидит Наталья, что выше, намного выше журавлей проведена по небу белая прямая черта.

Это летит самолёт. Смотрит Наталья в небо, и ей грустно и радостно. А отчего так, словами не сказать.

И не знает она, что бабушка Лебедева, которую предупредили: мол, ждите — придут из школы, уж углядела её в окно и повязала выходной платок, и достала из шкафа вазочку с конфетами...

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ОСЕНЬ

ЖУРАВЛИ	3
ЯБЛОНИ	5
ЗВЁЗДЫ	8

ЗИМА

МОРОЗ	11
ПЕЧКИ	14
СОРОКА	—

ВЕСНА

ТЁПЛЫЙ ДЕНЁК	17
ТРАКТОР	18
ОСЫ	20

ЛЕТО

САД	23
ОБЛАКА	25
ЗОРЬКА, ВИШЕНКА, РОМАШКА	28

30 коп.

Рисунки Т.В. Шеварёвой

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Сергей Анатольевич Иванов

ЗА ВЕСНОЮ—ЛЕТО

Редактор И. Курамжина
Художественный редактор Г. Крюкова
Технический редактор Н. Житенёва
Корректор Н. Пьянкова

ИБ № 1680

Сдано в набор 27.09.83. Подписано в печать 28.05.84. 60×90/8. Офс. № 1. Гарнитура балтика. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,0. Усл. кр.-отт. 18,0. Уч.-изд. л. 3,73. Тираж 200 000 экз. Изд. № 1350. Заказ № 2431. Цена 30 коп. Издательство «Малыш». 101463, Москва, Бутырский вал, 68. Калининский орден Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

И 4803010102—084
М102(03) — 84

© Издательство «Малыш» 1984